

100-й
ВЫПУСК

— В кустах стоял рояль, — поддержал неожиданность этой встречи Райкин, — роялю тихо подпевали скрипки и Большой симфонический оркестр.

Но как бы то ни было, ласково светило солнце, благоухали цветы, нежно плескалось море, и сам собой сложился наш первый вопрос:

— Легко ли быть сатириком? Ведь волею призвания и профессии ему приходится все время замечать в жизни недостатки.

— Вообще я считаю: для того чтобы говорить о скверном, — а сатирик почти всегда говорит о скверном, — он обязательно должен верить в хорошее. Прежде всего в хорошее. Для того чтобы иметь эталон, пример для сравнения. Вот когда ты видишь, как умеют люди работать, а они действительно умеют, если хотят; когда все налажено и продумано, и ты потом приезжаешь на такой же завод или в такой же колхоз и замечаешь, что там все наоборот, тогда начинаешь понимать: здесь чего-то не хватает. Может быть, сатирика? Верно, он всегда находит плохое, но только потому, что очень тщательно ищет.

— Положительный герой вашей сатиры — смех не меняется. А происходит ли эволюция героя отрицательного?

— Конечно. Вместе с исчезающими негативными явлениями в нашей жизни исчезают и определенные персонажи осмеяния. Но и тех, что остаются, хватит на век сатирика. Отрицательные явления, к сожалению, существуют с самого рождения мира. Далеко не все человеческие недостатки и пороки могут быть приписаны к сегодняшнему дню. Скорее наоборот. К примеру, наш строй характерен как раз тем, что он борется с недостатками. Мы считаем, что недостатки не имеют права быть среди нас. Спрашиваете, меняется ли отрицательный герой? Конечно, меняется. Он становится одновременно нахальнее, циничнее, но и осторожнее. Находит какие-то лазейки, новые пути. Поэтому приходится показывать разных персонажей, старающихся приспособиться к усложнившимся обстоятельствам, выработать спасающую их мимирию.

— А как вы проверяете прицельность вашего попадания?

— Лучшей проверки, чем реакция зала, быть не может. И нет большего удовлетворения, когда видишь, что публика реагирует так, как ты предполагал, — она и смеется, она и аплодирует, она и замирает в тех местах, где действительно не по себе становится человеку. Должно становиться не по себе советскому человеку, который сталкивается с различными нарушениями нашей морали и нашего образа жизни. Иногда кое от кого приходится услышать: «Вы знаете, это слишком остро». Я думаю, это тоже комплимент. Сатирический театр и должен быть острым, а не тупым. Острота сатиры, если хотите, — качество нашей работы, ибо сатира должна бичевать, искоренять недостатки. Страна наша характерна борьбой с отрицательными явлениями, а не только с отрицательными героями. И потому сатира становится важным моментом в жизни общества тогда,

Сегодня у нашей тринадцатой страницы — сотый выпуск. За четыре года ее гостями были многие замечательные люди. Мы с большим любопытством ожидали, кто же окажется юбилейным посетителем. Но, вспомнив про

опыт схожих ситуаций, решили довериться случаю. С этой целью специальный корреспондент «Недели» вылетел в Одессу, и первый человек, которого он увидел в приморском парке на Большом Фонтане, оказался народный артист СССР

Аркадий

когда искусство поддерживает серьезную политическую тему.

— Но ведь бывает: сатира ранит, и очень больно.

— А что же, она должна ласкать и улаживать? Существует в виде панегириков? Помоему, человек, который желает добра себе и своему народу, а советским сатириком именно такое желание движет, должен говорить только правду, говорить так и о том, как и о чем он говорит с самыми близкими друзьями. Сатира — передний край борьбы с недостатками, она помогает людям увидеть что-то по-новому, задуматься. Наша последняя программа называется «Зависит от нас». Мы стараемся говорить в ней о тех проблемах, которые волнуют современника. Стремимся заставить человека взглянуть пристальнее на самого себя. Конечно, мы кого-то задеваем. И это видно по тем письмам, которые мы получаем. В письме ведь можно написать все, что угодно, и к тому же не подписаться. Но что характерно: гораздо больше писем, нас поддерживающих, в них много дельных и умных советов, серьезных предложений. Да и к тому же негодующие письма — это тоже какой-то результат нашего искусства. Значит — задело, значит — разозлило! Кто возражает? Я борюсь с бюрократами — возражает бюрократ, я борюсь с казнокрадами — возражает казнокрад. Правда, бывают и перестраховщики, которые не хотели бы, чтобы вещи назывались своими именами. Они держатся за свои кресла и пуще всего боятся, чтобы сор выме-

тали из их подведомственной избы. Так что же, молчать? Партия призывает нас совсем к другому. Кто же лечит болезни молчанием? Прежде чем лечить болезнь, надо установить диагноз, узнать, чем ты болен и насколько серьезно.

— Когда вы устанавливаете диагноз и лечите, вы кто — терапевт, психолог, хирург?

— Ни в коем случае не хирург, потому что, если бы искусство могло заниматься хирургией, все было бы проще. Искусству не дано ничего, что могло бы напрямую изменить жизнь. Оно может только в какой-то степени повлиять на общественное мнение. И не только театр, но и телевидение, газеты, радио. Вот все вместе мы что-то изменить можем. Ну, например, я думаю так, что такие фразы, которые стали летучими: «Дайте мне справку, что вам нужна справка» — сейчас уже не может произнести любой бюрократ, потому что сразу над ним начнут смеяться. Потому что это уже печать. Об этом уже говорилось со сцены, и это уже известно. И вот я думаю: побольше бы таких узнаваемых печатей!

— А как вы относитесь к людям, лишенным чувства юмора?

— Я их прежде всего жалею, потому что без юмора жить на свете трудно. Жизнь не всегда складывается счастливо у каждого, в ней бывают тяжелые переживания, болезни и всякие неудачи, а юмор помогает жить людям.

— Должен ли человек еще слегка обладать самоиронией?

— Обязательно. Мне кажется, что самоирония — это еще и признак интеллекта, кроме всего прочего. Мне кажется, что если человек не может на себя со стороны посмотреть и над собой посмеяться, то он обеднен чем-то. Природа его лишила какого-то важного человеческого качества. Этим же мы и отличаемся от животных. Так сказать, способностью к самокритике, чем и является в ряде случаев самоирония.

— А не припомните ли случаи, когда ирония или самоирония отказывала, к примеру, вашему зрителю?

— Зрителю как понятию собирательному — нет. А вот с отдельными из них всякое бывает. Я когда-то пел безобидную песенку «Эх ты ласточка моя» в миниатюре о том, как

раствориться в толпе. Перед вами люди невольно становятся другими. Как удается вам находить «материал» для ваших персонажей?

— Я не стану скрывать — ко мне хорошо, в общем-то, относятся люди. Я им ничего плохого не сделал в жизни, и они, желая как-то проявить свою благодарность, стараются сделать мне приятное. Скажем, если я пошел в магазин, то стараются предложить что-то хорошее. Бывают во многих ма-

РАЙКИН

пожарный, скромный, хороший, не мог объясниться в любви. И мне написала целая пожарная команда о том, сколько она подвигам совершила за какое-то время, какое мужество она проявила, спасая людей. То есть они не поняли, о чем шла речь. Что и среди мужественных пожарных бывают скромные и застенчивые люди, которые не могут найти подходящие слова при объяснении в любви. И это было серьезное письмо, которое прошло через несколько серьезных организаций, и надо было на него отвечать, доказывая, что мы ни сном ни духом не хотели обидеть наших славных пожарных. Но вот ведь что интересно — я вовсе не исключаю того факта, что большинство подписавших письмо не видели миниатюры. Оно просто поверило кому-то одному или нескольким, кто усмотрел в нашей лирической миниатюре какой-то криминал.

— Какие качества в окружающих вам приятны всего и какие вы отвергаете?

— Больше всего ценю доброту, а самое неприятное — обратное качество, то есть антипод доброго человека. Человек злой, короче говоря. Доброта — лучший помощник и советчик. Добрый человек главным образом причиняет себе удовольствие тем, что проявляет какое-то внимание по отношению к другим. Это приносит ему радость. Добрых людей больше на свете, к счастью. Не всегда, к сожалению, они шагают по зеленой улице. Однако такой человек не унывает, потому что он добрый. Он иногда прощает, хотя кое-что можно было бы и не простить злому человеку. Добро должно быть более активным, чем зло.

— В начальном монологе вашего последнего спектакля есть очень хорошие слова о будущем и о том, как от всех нас зависит, чтобы оно было таким, как мы хотим...

— Мне тоже они нравятся. В будущем еще никто не совершил ни одного плохого поступка. Там еще нет зла, там одно добро. Но никто еще не сорвал на сегодняшней ветке завтрашнего яблока, потому что нельзя сорвать то, что еще не выросло. То будущий дом вырастет из сегодняшних кирпичей, завтрашний хлеб испекут из сегодняшнего зерна. Все это создадут руки — великое достоинство человека.

Этот разговор о будущем — точнее, о нашем сегодняшнем его обеспечении — кажется мне очень важным. Потому мы и говорим о том, что мешает идти вперед.

— В силу вашей популярности и известности вы не можете

газинах, наверное, полки, где лежат продукты, оставленные продавцом для себя или для своего родственника. Вот он мне подает какой-то «фрукт». Но ведь я же вижу, как он разговаривает с другими покупателями. И мне дано сравнить. А продавец даже не подозревает, что так, как он разговаривает со мной, он должен со всеми разговаривать.

Потом я хожу по учреждениям, бываю в разных кабинетах. Я вижу, как человек, разговаривая по телефону, вдруг бросает трубку и говорит мне: «Ради бога, извините, подождите минутку». Но я же вижу и то, как он разговаривает с другими, с теми, кто заходит к нему в кабинет.

— Миниатюра — особое искусство. Буквально за считанные минуты вы должны создать законченный образ человека. Что помогает вам в этом?

— Стремление отобрать самое выразительное в характере персонажа. Я могу о человеке, которого показываю три минуты, рассказывать полчаса, даже сыграть целую его биографию.

— Аркадий Исаакович, можно ли высказать такое предположение: если бы вы не стали сатириком, то, наверно, скорее всего были бы лириком?

— В общем-то я лирик. Разве это не заметно? По моему, я всегда ищу какое-то лирическое начало в своих персонажах. Некоторых даже пытаюсь оправдать. Ну, например, не получилось с судьбой у кого-то, не сумел человек найти свою любовь, свой жизненный путь. Это, конечно, не относится к рвачам, мещанам, невеждам. Их я не жалею. Скорее я жалею тех, кому приходится иметь дело с подобными персонажами. Но, может быть, в этом тоже присутствует лирическое начало?

— И последний вопрос: знаете ли вы, почему стали актером?

— Не только знаю почему — ибо нет ничего интереснее, чем проникновение в человеческую психологию, характер, но с каждым годом все больше и больше ценю ту замечательную возможность общаться со зрительным залом, которую дает моя профессия.

Встретил гостя у Большого Фонтана

Ал. АВДЕЕНКО.